

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.18384/3033-6414-2025-4-7-23

ПСИХОРЕГУЛЯТИВНАЯ ТИПОЛОГИЯ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

Карпинский К. В.

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно,
Республика Беларусь

e-mail: karpkostia@gmail.com

Поступила в редакцию 08.10.2025

Принята к публикации 16.10.2025

Аннотация

Цель. Теоретическое обоснование и эмпирическая оценка психологической типологии репродуктивного поведения человека, основанной на учёте индивидуальных особенностей его психической регуляции и предусматривающей три типа: активный, инактивный и пассивный.

Процедура и методы. Эмпирическое исследование проведено на гетерохронной и гетерогенной популяционной выборке взрослых жителей Республики Беларусь ($N = 3\,312$). Эмпирические данные собраны с помощью анкетного опроса и стандартизированных психодиагностических методик «Шкала ценностного отношения к детям» и «Смыслометрический анализ ребёнка».

Результаты. Построена психорегулятивная типология репродуктивного поведения, в рамках которой дифференцируются активный, инактивный и пассивный типы. Выявлены психологические различия личностно-смысловой регуляции и осознанной саморегуляции репродуктивного поведения, характерные для носителей разных его типов.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в выявлении психологических особенностей, механизмов и закономерностей личностно-смысловой регуляции и осознанной саморегуляции разнотипного репродуктивного поведения взрослых, а также в возможности использования полученных результатов в практической (консультативной, коррекционной, терапевтической) работе с индивидами и семьями, испытывающими психологические трудности в принятии репродуктивных решений.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, психическая регуляция, типология, активный тип, инактивный тип, пассивный тип, личностный смысл ребёнка

Благодарности и источники финансирования. Исследование выполнено в рамках гранта БРФФИ-МИРРУ № Г23УЗБ-053 от 20.11.2023 г. «Ценностное отношение к детям в регуляции репродуктивного и родительского поведения в современной белорусской и узбекской семье».

Для цитирования: Карпинский К. В. Психорегулятивная типология репродуктивного поведения: теоретическое обоснование и эмпирическая оценка // Психологические науки. 2025. № 4. С. 7–23. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-4-7-23>

Original research article

PSYCHOLOGICAL REGULATORY TYPOLOGY OF REPRODUCTIVE BEHAVIOR: THEORETICAL FOUNDATION AND EMPIRICAL ASSESSMENT

K. Karpinski

*Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus
e-mail: karpkostia@gmail.com*

Received by the editorial office 08.10.2025

Accepted for publication 16.10.2025

Abstract

Aim. To theoretically analyze and empirically assess the psychological typology of human reproductive behavior, based on individual characteristics of its self-regulation and comprising three behavioral types such as active, inactive, and passive.

Methodology. The empirical study was conducted on a heterochronic and heterogeneous population-based sample of adult residents of the Republic of Belarus (N = 3,312). Empirical data was collected with use of a questionnaire survey and the standardized psychological diagnostic instruments such as the “Value of Children Scale” and the “Smyslomertia of the Child.”

Results. The psychological regulatory typology of reproductive behavior that differentiate active, inactive, and passive types was developed. Psychological differences in personal meaning regulation and conscious self-regulation of reproductive behavior, characteristics of individuals exhibiting different types were identified.

Research implications consist in revealing the psychological features, mechanisms, and patterns of personal meaning regulation and conscious self-regulation of diverse types of reproductive behavior in adults. The results can be utilized in practical (consultative, corrective, therapeutic) work with individuals and families experiencing psychological difficulties in making reproductive decisions.

Keywords: reproductive behavior, self-regulation, typology, active type, inactive type, passive type, personal meaning of a child

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the BRFFI-MIRRU grant no. G23UZB-053 (November 20, 2023) “Value-based attitude towards children in the regulation of reproductive and parental behavior in the modern Belarusian and Uzbek families.”

For citation: Karpinsky, K. V. (2025). Psychological Regulatory Typology of Reproductive Behavior: Theoretical Foundation and Empirical Assessment. In: *Psychological Sciences*, 4, 7–23. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-4-7-23>

ВВЕДЕНИЕ

Репродуктивное поведение – это поведенческая активность половозрелых животных и взрослых людей, направленная на размножение и воспроизводство себе подобных [1; 2; 3; 4]. От других разновидностей филогенетически и исторически сформировавшегося поведения оно отличается своим специфическим результатом: его конечным продуктом является потомство – новые особи того же самого вида, что и родители (детёныши животных или человеческие дети). В этой связи его также обозначают терминами «прокреационное», или «генеративное» поведение, подразумевая, что оно нацелено на производство молодых генераций животного вида или новых поколений человеческого общества.

Несмотря на сходство в общей цели и предназначении, репродукция животных и человека имеет кардинальные различия. Они предопределены тем, что репродуктивное поведение животных формируется филогенетически, в ходе эволюции живой природы, на основе развития и совершенствования исключительно натуральных (естественных) механизмов его регуляции. У людей же эта разновидность поведения помимо филогенеза проходит путь историогенеза – становления в процессе общественной истории, на основе развития и совершенствования культурных (искусственных) механизмов регуляции. Человеческая репродукция характеризуется таким специфическим признаком, как опосредованность культурно выработанными способами, средствами и орудиями. К их числу относятся:

- социальные нормы, регулирующие репродуктивное поведение (от древнейших табу до современных правовых предписаний брачно-семейного, уголовного и иного законодательства);

- медицинские, фармакологические, генно-инженерные и другие репродуктивные технологии (гинекологии, ан-

дрологии, акушерства, контрацепции, аборта, стерилизации, искусственного оплодотворения, донорства гамет, суррогатного материнства);

- высшие психические функции, участвующие в регуляции репродуктивного поведения, которые являются приобретаемыми (прижизненно формируемыми), а не врождёнными (наличествующими от рождения); обусловлены социокультурной средой, а не генетической наследственностью; демонстрируют значительную индивидуальную, групповую, историческую и кросс-культурную вариативность, а не внутривидовую инвариантность.

Историческое развитие и социокультурное опосредование существенно усложняет психологическое содержание и структуру репродуктивного поведения человека, придавая ему многозадачность, полиморфность и разнонаправленность. Репродуктивное поведение в животном мире характеризуется фиксированными формами, относительно простым составом действий и однозначно профертильной направленностью. Репродуктивное поведение в человеческом мире отличается широким полиморфизмом и осуществляется в формах активного действия, направленного на рождение ребёнка; пассивного бездействия, направленного на воздержание от деторождения; активного противодействия, направленного на избегание детности, предотвращение зачатия, прерывание возникшей беременности, лишение самого себя физиологической способности иметь детей (контрацепция, аборт, стерилизация). Примечательно, что у людей этот вид поведения может не только развёртываться в континууме от репродуктивной активности до репродуктивной пассивности, но и принимать самую разную интенциональную направленность – от профертильной (родовой) до антифертильной (противородовой) [5; 6].

Ключевое различие репродукции у животных и современного человека сво-

дится к тому, что поведению животных присущ императивный характер, тогда как людям свойственна репродуктивная свобода, их детородное поведение носит волюнтаристский характер. Любое нормальное животное не может не плодиться, а взрослый здоровый человек волен как размножаться, так и не размножаться; если же он выбирает размножение, то, как правило, способен самостоятельно решать, в каком объёме, в какие сроки, каким способом и т. д. Строго говоря, человеческому репродуктивному поведению свойственны такие психологические признаки, как осознанность, осмысленность и произвольность. Все они указывают на то, что регуляция репродуктивного поведения человека опосредуется высшими психическими функциями в первую очередь личностью и сознанием, т. е. строится на основе личностно-смысловой и осознанной саморегуляции. Будучи носителем сложной системы сознательной и личностной саморегуляции, человек становится автономным субъектом репродуктивного поведения, а не просто живым исполнителем врождённой (филогенетически отработанной и генетически закреплённой) видовой программы размножения [5].

ПСИХИЧЕСКАЯ РЕГУЛЯЦИЯ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

В современных психологических, социально-демографических и биомедицинских исследованиях рассматриваются специфичные для человека психические регуляторы репродуктивного поведения. Пока одни исследователи идут по пути выделения и анализа отдельных регуляторных структур и процессов («потребность в детях», «репродуктивные мотивы», «репродуктивные установки», «субъективные нормы детности» и т. д.), другие – стремятся к построению системных многокомпонентных моделей, охватывающих определённую совокупность разнородных и разноуровневых

регуляторов, к примеру, TDIB (Traits-Desires-Intentions-Behaviour Model) [7], TPB (Theory of Planned Behaviour) [8], CSM (Cognitive-Social Model of Fertility Intentions) [9], уровневая модель регуляции репродуктивного поведения [10] и др.

Полагаясь на результаты систематизации и обобщения множества существующих подходов, концепций и моделей, можно утверждать, что человеческое репродуктивное поведение организуется на основе сложносоставной системы психической регуляции, включающей две основные подсистемы: личностную (побудительную, мотивационно-смысловую) регуляцию и осознанную (исполнительскую) саморегуляцию.

Ведущим фактором личностной регуляции выступает личностный смысл ребёнка для взрослого: он обеспечивает подчинение и сообразование репродуктивного поведения с множеством потребностей, мотивов и ценностей, в контексте реализации которых ребёнок оказывается объективно значимым условием жизни взрослого [11; 12].

Личностный смысл ребёнка – это психическое отражение (субъективное понимание и переживание) объективного влияния, которое ребёнок в качестве актуального или потенциального обстоятельства жизни оказывает или способен оказать на практическую реализацию личностно значимых побуждений и стремлений взрослого – удовлетворение потребностей, воплощение ценностей, осуществление мотивов, достижение целей, решение задач. Подразделяются следующие психологические типы личностного смысла ребёнка: 1) позитивный терминальный смысл, при котором ребёнок осмысливается взрослым как высшая личностная ценность и смысл всей жизни; 2) позитивный прагматический (инструментальный) смысл, при котором ребёнок осмысливается взрослым как жизненное обстоятельство, которое способствует, или как жизненный партнёр,

который содействует реализации жизненных ценностей; 3) негативный прагматический (преградный) смысл, при котором ребёнок осмысливается взрослым как жизненное обстоятельство, которое препятствует, или как жизненный партнёр, который противодействует реализации жизненных ценностей; 4) негативный терминальный смысл, при котором ребёнок осмысливается взрослым как антиценность – жизненное обстоятельство или жизненный партнёр, которые в принципе несовместимы с нормальной (комфортной и продуктивной) жизнью [13].

В дополнение к данной типологии следует учитывать два момента. Во-первых, в силу полимотивации индивидуальной жизнедеятельности взрослого в её контексте ребёнок практически всегда оказывается полиосмысленным объектом/ субъектом, который чаще всего наделяется смешанным (терминально-прагматическим) и конфликтным (позитивно-негативным) личностным смыслом. Во-вторых, относительно нечасто, но встречается смысловое отчуждение, или бессмысленность ребёнка, когда он лишён вообще какого-либо личностного смысла для взрослого [13].

Осознанная регуляция репродуктивного поведения осуществляется целым комплексом психических структур и процессов, которые на уровне сознания отражают идеальное, желаемое и планируемое будущее человека в аспекте деторождения, а также пути, способы, средства, значимые условия и временные рамки для достижения этого будущего. В данной подсистеме дифференцируются следующие структурные блоки и функциональные звенья:

- регуляторный процесс осознания личностного смысла ребёнка и его результат в форме субъективного представления об идеальном числе детей;

- регуляторный процесс целеполагания и его результат в форме субъективного представления о желаемом числе детей;

- регуляторные процессы планирования и программирования и их результат в форме субъективного представления о планируемом числе детей, а также о путях, способах и средствах его достижения;

- регуляторный процесс прогнозирования и их результат в форме субъективного расписания («календаря», «тайминга») деторождений, определяющего оптимальные сроки появления на свет первого и последующих детей;

- регуляторный процесс моделирования и его результат в форме субъективной модели значимых условий деторождения;

- регуляторные процессы оценивания и контроля фактически достигнутой детности (реального числа детей) и их результаты в форме субъективной удовлетворённости репродукцией и репродуктивной самооффективности (самоотношения человека как субъекта деторождения);

- регуляторный процесс корректирования целей, планов, программ, прогнозов, моделей значимых условий репродуктивного поведения с учётом расхождения идеального, желаемого и планируемого с реально имеющимся числом детей [13; 14].

ПСИХОРЕГУЛЯТИВНАЯ ТИПОЛОГИЯ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Несмотря на внешне кажущуюся непрерывность и континуальность репродуктивного поведения, процесс его психического регулирования носит дискретно-циклический характер. Иницирующим фактором, который действует на «входе» каждого дискретного цикла поведения и его регуляции, является репродуктивная мотивация, а результирующим и терминирующим фактором, который завершает цикл на «выходе», является репродуктивный успех, выраженный в рождении ребёнка (объективный успех) и в переживании субъективной удовлетворённости достигнутым состоянием (субъективный успех). В про-

межутке между «входом» и «выходом» совершается сложная внутренняя (регуляторная) и внешняя (поведенческая) активность, параметры которой задаются как входной репродуктивной мотивацией (прямые регулирующие связи), так и выходным репродуктивным успехом-неуспехом (обратные регулирующие связи). Такие же прямые и обратные связи прослеживаются между исходной мотивацией и результатами репродуктивного поведения, придавая им взаимную обусловленность и согласованность.

С учётом стержневой регулирующей роли мотивации и достигаемого успеха-неуспеха на основе этих двух критериев должна строиться психорегулятивная типология любого поведения, в том числе репродуктивного. К этому следует добавить, что репродуктивное поведение взрослого – это долговременный (протяжённый во времени) динамический процесс, который характеризуется различным уровнем активности и продуктивности в прошлом, настоящем и будущем. По этой причине его психорегулятивная типология должна носить трансективный (транстемпоральный) характер – наравне учитывать как ретроспективно полученные результаты, так и перспективно планируемые достижения в области деторождения.

Главным объективным показателем, характеризующим ретроспективу репродуктивного поведения взрослого, является его продуктивность, которая измеряется фактическим числом рождённых детей. Эта переменная в научных исследованиях на разный манер определяется как «родительский статус» (parental status), «размер семьи» (family size), «фактическое число детей» (actual number of children) и «репродуктивный успех» (reproductive success) [14]. Наряду с объективным (внешним, экстринсивным) репродуктивным успехом может быть выделен субъективный (внутренний, интринсивный) репродуктивный успех, который выражается степенью субъективной удовлет-

ворённости-неудовлетворённости взрослого числом реально имеющихся детей и достигнутым родительским статусом. Субъективный репродуктивный успех отражает степень реализованности-нереализованности репродуктивной мотивации взрослого в прошлом [15].

Главным субъективным показателем, характеризующим перспективу репродуктивного поведения, выступают репродуктивные намерения (цели, планы, программы, притязания), которые определяются планируемым к рождению числом детей. Наличие таких намерений свидетельствует о присущей взрослому актуальной или потенциальной репродуктивной мотивации, которая собственно и открывает определённую временную перспективу репродуктивного поведения. При прочих равных обстоятельствах, чем больше расхождение между планируемым и фактическим числом детей, тем ниже субъективный успех, сильнее мотивация и глубже временная перспектива репродуктивного поведения.

Несомненно, следует принимать во внимание и объективные индикаторы, характеризующие репродуктивную перспективу взрослого, т. е. детерминирующие реальную способность и возможность рожать детей в будущем (например, возраст, состояние репродуктивного здоровья, наличие подходящего партнёра, обеспеченность материальными и финансовыми ресурсами и т. д.). Однако для психологического анализа объективные индикаторы важны не сами по себе, а в психически отражённом и субъективно преломлённом виде. Субъективное восприятие и оценивание этих репродуктивно значимых условий определяет достижимость репродуктивных намерений и планов, а тем самым корректирует силу мотивации и уровень репродуктивной активности взрослого (психологические закономерности и эффекты такого взаимодействия объясняют многочисленные мотивационные модели субъективной ожидаемой полезности).

На пересечении двух показателей – прошлого репродуктивного успеха (фактического числа детей) и будущих репродуктивных намерений (планируемого к рождению числа детей) – может быть выделено три типа поведения, характеризующих актуальный статус взрослого как субъекта репродукции (табл. 1).

Активный тип репродуктивного поведения определяется, прежде всего, наличием у взрослого проспективных репродуктивных намерений, т. е. ещё не реализованной детородной мотивации, которая активизирует его поведение. При этом достигнутый к настоящему родительский статус (фактическое число детей) не играет решающей роли: репродуктивно активным может быть как бездетный, так и мало- или многодетный взрослый. Если человек собирается обзавестись детьми в будущем, то независимо от их планируемого числа и прогнозируемых сроков деторождения, он актуально или потенциально является носителем репродуктивной мотивации и активности. Конечно, текущий уровень этой мотивации и активности может существенно варьировать: его обуславливают и планируемое число детей, и прогнозируемые сроки их рождения, и моделируемые репродуктивно значимые условия, и степень удовлетворённости фактическим числом детей, и многие другие факторы. Все процессы осознанной саморегуляции (целеполагание, планирование, программирование, моделирование, прогнозирование, оценивание и контроль и т. д.)

осуществляют «когнитивную переработку» мотивации и модерируют её силу, что проявляется в нарастании или угасании репродуктивной поведенческой активности.

Инактивный тип репродуктивного поведения демонстрируют взрослые, которые в прошлом достигли определённого репродуктивного успеха (имеют разное количество реально рождённых детей) и не планируют дополнительно рожать в будущем. Им свойственна реализованность, исчерпанность репродуктивной мотивации и относительно высокая степень субъективной удовлетворённости своим наличным родительским статусом. Данный тип поведения уместно обозначать именно как инактивный, т. к. он сочетает активную репродукцию в прошлом с репродуктивной пассивностью в настоящем и будущем (альтернативным названием данного типа мог бы быть термин «ретроактивный», указывающий, что активная фаза деторождения уже позади).

Пассивный тип репродуктивного поведения присущ взрослым, которые не рожали детей в прошлом и не планируют делать этого в будущем. В данном случае наблюдается полное отсутствие прошлого репродуктивного успеха и перспективной репродуктивной мотивации. При этом имеет место достаточно высокая субъективная удовлетворённость своей бездетностью, что указывает на добровольный отказ или вынужденное принятие такого жизненного выбора.

Таблица 1 / Table 1

Психорегулятивная типология репродуктивного поведения / Psychological regulatory typology of reproductive behavior

Будущие репродуктивные намерения	Прошлый репродуктивный успех	
	Нет детей	Есть дети
Нет намерений	<i>Пассивный тип</i>	<i>Инактивный тип</i>
Есть намерения	<i>Активный тип</i>	

Источник: данные автора.

ГИПОТЕЗА, ВЫБОРКА И МЕТОДИКИ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Общая гипотеза исследования заключалась в предположении о том, что разным наблюдаемым типам репродуктивного поведения взрослых соответствуют различные паттерны личностно-смысловой и осознанной саморегуляции, что, собственно, и позволяет считать построенную типологию психорегулятивной.

Выдвинутая гипотеза проверялась в цикле эмпирических исследований, проведённых на протяжении 2020–2023 гг. на пяти гетерогенных популяционных выборках взрослого населения Республики Беларусь. Суммарная численность агрегированной гетерохронной выборки составила 3 312 человек в возрасте от 18 до 68 лет (средний возраст – $33,6 \pm 4,1$), в том числе 2 353 женщины и 959 мужчин с различным семейным положением (787 – холостые, разведённые или овдовевшие, 2 525 – семейные) и родительским статусом (595 – бездетные, 2 717 – воспитывающие от 1 до 7 детей).

Индивидуально-психологические особенности личностно-смысловой регуляции репродуктивного поведения испытуемых диагностировались с помощью стандартизированных методик «Шкала ценностного отношения к детям» (измеряет позитивный терминальный смысл ребёнка) [16] и «Смыслометрический психобиографический анализ (смыслометрия) ребёнка» (измеряет позитивный, негативный и конфликтный прагматический смысл ребёнка) [17]. Индивидуально-психологические особенности осознанной саморегуляции репродуктивного поведения испытуемых изучались посредством анкетного опроса, ориентированного на выявление субъективных норм детности (идеального, желаемого и планируемого числа детей), субъективного календаря деторождения (представлений об оптимальных сроках рождения первого, второго и последнего ребёнка), субъективной модели репродуктивно значимых условий, субъектив-

ного репродуктивного успеха (удовлетворённости фактическим числом детей), локуса субъективного контроля в сфере репродукции, репродуктивной самоэффективности и прочих компонентов регуляторики (подробное описание анкеты см. в [13, с. 357–360]).

Предложенная выше типология репродуктивного поведения легко операционализируется на основе данных анкетирования. Для отнесения конкретного испытуемого к определённом поведенческому типу необходимо и достаточно выявить, во-первых, его родительский статус (отсутствие-наличие и фактическое число детей); во-вторых, его репродуктивную мотивацию и намерения (планируемое число детей). В проведённых эмпирических исследованиях измерение репродуктивной мотивации и намерений осуществлялось двумя взаимозаменяемыми способами:

– эксплицитным способом, а именно с помощью прямого вопроса закрытого типа с дихотомией ответов «да/нет»: «Желаете ли Вы иметь больше детей, чем имеете в настоящее время (ответьте на вопрос, даже если ещё не имеете ребёнка/детей)?» (вариации вопроса – «Собираетесь ли Вы рожать ребёнка/детей в будущем?», «Планируете ли Вы рожать ребёнка/детей в будущем?»). Утвердительный ответ свидетельствует о наличии, а отрицательный ответ на любой из данных вопросов – об отсутствии у испытуемого репродуктивной мотивации;

– имплицитным способом, а именно путём выявления планируемого числа детей («Сколько всего детей Вы планируете родить в течение своей жизни (с учётом уже имеющихся у Вас детей)?») и его сопоставления с фактическим числом детей (если планируемое число детей > фактического числа детей, это указывает на наличие репродуктивной мотивации; если же планируемое число детей = 0 или фактическому числу детей, это говорит об отсутствии репродуктивной мотивации).

Категоризация испытуемого к конкретному типу поведения производилась в зависимости от профиля полученных ответов на анкетные вопросы о родительском статусе (фактическом числе детей) и репродуктивной мотивации (планируемом числе детей): репродуктивно пассивный тип («нет детей и не планирую рожать»), репродуктивно инактивный тип («есть дети и не планирую рожать») и репродуктивно активный тип («нет детей, но планирую рожать», «есть дети и планирую рожать»).

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты категоризации (типологии) испытуемых в обследованных выборках приведены в таблице 2. Выборки, на которых выполнялся частотный анализ, являются неэквивалентными по половозрастному и социально-демографическому составу испытуемых. По этой причине какие-либо сопоставления частотных долей и пропорций, в которых разные типы репродуктивного поведения встречаются в данных выборках, не будут информативными. Закономерно, например, что в «молодёжных» выборках выше наблюдаемость активного типа, тогда как в более «возрастных» или «родительских» выборках преобладает инактивный тип репродуктивного поведения.

Распределение поведенческих типов в популяции условно здоровых белорусов фертильного возраста аппроксимируется лишь на основе частотной статистики совокупной выборки. В пределах фертильного возраста репродуктивно активными являются около 60% испытуемых, инактивными – 36%, а 4% испытуемых остаются пассивными в плане деторождения. При условии, что эти 4% испытуемых не скованы нарушениями репродуктивного здоровья, их пассивность можно рассматривать как поведенческое проявление добровольной бездетности.

Выделенные типы репродуктивного поведения достаточно равномерно распределены среди мужчин и женщин ($\chi^2(2) = 5,70, p = 0,06$). Представители разных поведенческих типов существенно различаются по своему возрасту: средний возраст носителей пассивного типа – $27,8 \pm 7,51$, активного типа – $32,1 \pm 8,3$, инактивного типа – $38,6 \pm 8,37$ лет ($F(2, 3\,201) = 271, p < 0,001$). Большинство людей с пассивным типом поведения локализуется в раннем репродуктивном периоде (до 35 лет), с активным поведением – в транзитивном репродуктивном периоде, с инактивным поведением – в позднем репродуктивном периоде (после 35 лет). Это вполне естественные различия, которые обусловлены возрастным увяданием (инволюцией) фертильной функции, а также

Таблица 2 / Table 2

Результаты частотного анализа типов репродуктивного поведения / Results of the frequency analysis of reproductive behavior types

Год	Объём выборки	Типы репродуктивного поведения (f/%)		
		Активный	Инактивный	Пассивный
2021	276	152/55%	102/37%	22/8%
2022	186	120/65%	43/23%	23/12%
2022	1 282	1 182/92%	77/6%	23/2%
2023	611	208/34%	367/60%	36/6%
2023	957	306/32%	616/64%	35/4%
Σ	3 312	1 968/59,4%	1 205/36,4%	139/4,2%

Источник: данные автора.

социальными представлениями о критических сроках деторождения (причём адекватными и небеспопеченными, т. к. в репродуктивной медицине беременность после 35 лет расценивается как «беременность высокого риска»). Пассивный тип репродуктивного поведения значительно чаще встречается у холостых (бессемейных, разведённых и овдовевших) людей, в то время как активный и инактивный типы – у семейных людей ($\chi^2(2) = 122$, $p < 0,001$). Среди людей без профессионального образования чаще наблюдается пассивный тип репродуктивного поведения, тогда как у людей с окончанным профессиональным образованием, в особенности высшим – активный и инактивный типы ($\chi^2(6) = 52$, $p < 0,001$).

Таким образом, вырисовывается социально-демографический «портрет» самой репродуктивно активной части населения: семейные мужчины и женщины в возрасте от 25 до 40 лет, как правило, с высшим профессиональным образованием.

В рамках психологического анализа основное внимание привлекают типологические особенности и различия психических структур и процессов, образующих целостный контур регуляции репродуктивного поведения. Носителям того или иного поведенческого типа свойственен не только своеобразный социально-демографический «портрет», но и определённый «профиль» психической регуляции. Выделенные типы поведения определены как психорегулятивные потому, что каждый из них специфицируется качественными и количественными особенностями регуляторики. Психологические особенности личностно-смысловой и осознанной регуляции в группах испытуемых с разнотипным репродуктивным поведением выявлялись с помощью однофакторного дисперсионного анализа (табл. 3).

Как свидетельствуют данные, взрослые с разнотипным репродуктивным поведением характеризуются существенны-

Таблица 3 / Table 3

Типологические различия психической регуляции репродуктивного поведения / Typological differences in the self-regulation of reproductive behavior

Показатели психической регуляции	Типы репродуктивного поведения (M ± SD)			F
	Пассивный	Активный	Инактивный	
Личностная (побудительная) регуляция (личностный смысл ребёнка)				
Ценностное отношение к детям	7,14 ± 4,69	26,3 ± 11,6	28,9 ± 10,6	729,1***
Индекс прагматической значимости ребёнка	0,55 ± 0,27	0,66 ± 0,25	0,67 ± 0,26	13,2***
Индекс позитивного смысла ребёнка	0,50 ± 0,30	0,76 ± 0,27	0,81 ± 0,27	69,8***
Индекс негативного смысла ребёнка	0,50 ± 0,32	0,23 ± 0,26	0,17 ± 0,24	68,2***
Индекс конфликтного смысла ребёнка	0,36 ± 0,32	0,25 ± 0,29	0,18 ± 0,26	30,12***
Дифференцированность смысла ребёнка	0,27 ± 0,17	0,24 ± 0,11	0,23 ± 0,10	3,16*
Интегральный индекс смысла ребёнка	0,11 ± 0,90	0,91 ± 0,87	1,09 ± 0,92	73,48***
Осознанная (исполнительская) регуляция				
Желаемое число детей	1,23 ± 0,85	2,48 ± 0,97	2,28 ± 0,92	137,8***
Идеальное число детей	1,65 ± 0,88	2,55 ± 0,89	2,41 ± 0,86	70,9***
Планируемое число детей	0,73 ± 0,81	2,02 ± 0,81	1,6 ± 1,07	205,8***
Оптимальный возраст рождения первого ребёнка	25,54 ± 3,62	23,8 ± 2,96	24,02 ± 3,11	7,14***
Оптимальный возраст рождения последнего ребёнка	33,13 ± 4,97	36,0 ± 5,78	34,8 ± 10,41	11,7***

Показатели психической регуляции	Типы репродуктивного поведения (M ± SD)			F
	Пассивный	Активный	Инактивный	
Оптимальный интервал между рождением 1-го и 2-го ребёнка	5,66 ± 12,0	4,16 ± 2,06	4,14 ± 3,79	0,56
Оценка природно-географических макроусловий деторождения	12,7 ± 4,31	15,0 ± 3,68	14,7 ± 3,62	9,79***
Оценка социально-экономических макроусловий деторождения	13,1 ± 5,0	14,0 ± 3,94	14,3 ± 4,91	2,96
Оценка материально-жилищно-бытовых микроусловий деторождения	14,6 ± 4,06	14,9 ± 3,8	15,2 ± 4,76	1,21
Оценка нематериальных микроусловий деторождения	27,9 ± 6,69	31,3 ± 5,65	30,3 ± 6,14	10,89***
Общая оценка жизненной ситуации	68,2 ± 15,81	75,0 ± 13,3	74,8 ± 15,02	6,07**
Уровень субъективного контроля в сфере репродукции	2,47 ± 1,99	4,27 ± 2,18	4,23 ± 2,15	26,3***
Ретроспективная самооэффективность в сфере репродукции	3,35 ± 0,86	2,46 ± 0,92	3,41 ± 0,82	196,7***
Проспективная самооэффективность в сфере репродукции	2,78 ± 1,17	3,09 ± 0,88	2,57 ± 1,11	39,6***
Субъективная удовлетворённость числом рождённых детей	90,3 ± 23,01	72,1 ± 26,9	95,9 ± 11,85	272,8***

Примечания: M – среднее арифметическое, SD – стандартное отклонение, F – эмпирическое значение критерия Фишера, * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$, *** $p \leq 0,001$

Источник: данные автора.

ми психологическими различиями всех функциональных звеньев и структурных блоков осознанной саморегуляции. Выраженные типологические особенности начинаются уже с регуляторных процессов и структур, осуществляющих функции смыслоосознания, целеполагания, планирования и программирования репродуктивного поведения. Репродуктивно активные взрослые отличаются самыми высокими, а репродуктивно пассивные взрослые – самыми низкими показателями идеального, желаемого и планируемого числа детей. Эти показатели, с одной стороны, отражают мотивационную значимость (уровень осмысленности и модальность личностного смысла) детей, а, с другой, задают целевые параметры результативности (уровень притязаний) и субъективные критерии успеха-неуспеха детородного поведения. Закономерно, что наиболее высокие притязания и критерии успеха

присущи самым репродуктивно активным взрослым.

Индивидуальные представления об оптимальных сроках рождения (первого, последующих и последнего), а также об оптимальных интервалах между деторождениями, образуют субъективный «календарь», или «расписание» репродуктивного поведения. Эти представления всегда производны в первую очередь от процесса вероятностного прогнозирования репродуктивного успеха. У людей низкого хронологического возраста, которые лишь вглядываются в перспективу, календарь деторождений содержит только прогнозы, а у людей, которые с высоты прожитых лет оглядываются на ретроспективу, этот календарь корректируется оценками прошлого репродуктивного опыта. Разумеется, на построение временной перспективы и прогноза деторождения также влияет оценивание, заимствование и присвоение чужого

опыта (в форме персонифицированных образцов репродуктивного поведения, обобщённых социальных представлений, стереотипов и экспектаций, знаний и рекомендаций конвенциональной репродуктивной медицины и т. д.).

Полученные результаты указывают на наличие значимых различий в том, как прогнозируют временную перспективу деторождения взрослые с разными типами репродуктивного поведения. Представители пассивного типа склонны сужать временной коридор для рождения детей по принципу «позже начать и пораньше закончить» (по сравнению с другими поведенческими типами у них самый поздний оптимальный срок рождения первого, и самый ранний оптимальный срок рождения последнего ребёнка). Репродуктивно активный период жизни, по их субъективным представлениям, в среднем должен длиться неполных 8 лет (с 25,5 до 33,1 года). Взрослые с активным и инактивным типами поведения прогнозируют деторождение по-другому: они склоняются к более раннему рождению первого и более позднему рождению последнего ребёнка, вследствие чего период их репродуктивной активности пролонгируется до 10–12 лет. Типологических различий в представлениях об оптимальном интервале между рождениями первого и второго ребёнка не выявлено (этот интервал исчисляется в среднем 4–6 годами).

Показательные типологические различия установлены в звене моделирования значимых условий репродуктивного поведения. Люди с разным типом поведения достоверно не отличаются в оценке благоприятности макросоциальных и микросоциальных условий материального (финансового, жилищного, имущественного, бытового) характера. Это ставит под сомнение не только экономикоцентристские модели объяснения репродуктивного поведения в науке, но и эффективность практических мер, направленных на стимулирование

демографического роста с помощью экономических «рычагов» воздействия на детородную активность населения. Данные настоящего исследования говорят о том, что в большей степени на эту активность влияет благоприятная природно-экологическая среда и выгодная территориально-географическая локализация, а также благоприятные микросоциальные и индивидуальные условия, связанные с хорошим состоянием здоровья партнёров, здоровой социально-психологической атмосферой семьи, отсутствием межролевых конфликтов типа «родительство-супружество», «родительство-досуг», «родительство-учёба или работа». Перечисленные условия субъективно оцениваются и моделируются как наиболее благоприятные для деторождения людьми с активным типом репродуктивного поведения.

В соответствии с теоретическими ожиданиями, значимые различия обнаружены в регуляторном звене оценивания результатов репродуктивного поведения. В этом звене осуществляется сличение целевого (планируемого) и реального (фактического) числа детей, на основе чего продуцируется обратная связь в виде субъективной удовлетворённости-неудовлетворённости достигнутым родительским статусом. Наиболее удовлетворёнными оказались люди с инактивным и пассивным типами репродуктивного поведения: в первом случае позитивная обратная связь (удовлетворённость собственной детностью) ведёт к дезактуализации мотивации и торможению детородного поведения, во втором – позитивная обратная связь (удовлетворённость собственной бездетностью) препятствует пробуждению мотивации и инициации репродуктивной активности. Наименее удовлетворены фактическим числом детей люди с активным типом репродуктивного поведения. Их переживания по данному поводу можно оценить как позитивно-негативную обратную связь (частичную удовлетворённость и/

или частичную неудовлетворённость), которая выполняет двойственную функцию: констатирует положительный промежуточный результат и стимулирует движение вперёд к конечному результату. В этой связи они не останавливаются на достигнутом числе детей и остаются репродуктивно активными.

В системе осознанной саморегуляции процесс оценивания тесно связан с процессом субъективного контроля полученных результатов. Сущность контроля заключается в идентификации, локализации и атрибуции причин успеха-неуспеха, которые могут присваиваться себе либо приписываться внешним обстоятельствам, другим людям, случайности и прочим сторонним по отношению к самому субъекту факторам. Психическими структурами, «депонирующими» опыт субъективного контроля прошлых циклов поведения и регулируемыми его дальнейшие этапы, выступают самоотношение (самооценка), локус субъективного контроля (уровень экстернальности-интернальности) и самооффективность. Позитивное самоотношение, интернальный локус контроля и высокую самооффективность можно рассматривать как косвенные (опосредованные) психологические индикаторы успешности в том или ином домене поведения. Они находятся в тесной ассоциации с субъективной удовлетворённостью как прямым (непосредственным) психологическим индикатором успешности. Достижение успеха при условии, что субъект ставит его в заслугу самому себе (высокий уровень субъективного контроля, или интернальность), питает одновременно и чувство удовлетворённости, и позитивное самоотношение (самоуважение), и веру в собственную эффе́ктивность и компетентность.

Отсюда вполне закономерно, что пассивный тип характеризуется низким уровнем субъективного контроля (экстернальностью), высокой ретроспективной и низкой проспективной самооэф-

фективностью в сфере репродукции. Это значит, что представители данного типа текущую бездетность считают результатом собственных усилий (бездействия или, возможно, контрацептивного, абортного и другого антифертильного поведения), но рождение детей в будущем воспринимают скорее как независящее от них и неконтролируемое (внешне навязанное или случайное) событие. Носители инактивного типа поведения отличаются высокой интернальностью, высокой ретроспективной и несколько пониженной проспективной самооэффективностью в области репродукции. Причины достигнутого в прошлом репродуктивного успеха они атрибутируют себе и трезво – с долей сомнения – смотрят на собственные шансы рождения дополнительных детей в будущем. Что касается активного типа репродуктивного поведения, то для него специфичны высокая интернальность, низкая ретроспективная и высокая проспективная самооэффективность. Эти взрослые не довольствуются достигнутым репродуктивным результатом, но тем не менее приписывают его себе: это даёт им твёрдую уверенность в способности добиться искомого родительского статуса в перспективе.

Разнотипные группы испытуемых кардинально отличаются друг от друга мотивационно-смысловой регуляцией репродуктивного поведения, при этом различия затрагивают как терминальный, так и прагматический смысл ребёнка. Чётко просматривается сквозной паттерн различий: при движении от пассивного через активный к инактивному типу репродуктивного поведения позитивный терминальный и прагматический смысл ребёнка возрастает, а негативный и конфликтный прагматический смысл ребёнка снижается. Апостериорное попарное сравнение групп с помощью критерия Тьюки указывает на статистическую достоверность различий между всеми типами репродуктивного поведения по всем психологическим аспектам личностного

смысла ребёнка, кроме общего уровня прагматической значимости и дифференцированности (не значимыми оказались различия активного и инактивного типов). Тем самым подтверждается общая закономерность мотивационно-смысловой регуляции, согласно которой, высокий уровень позитивной осмысленности ребёнка в качестве терминальной и инструментальной ценности в жизни стимулирует репродуктивную активность взрослого. Этот вывод созвучен идеям и результатам других исследований психологии репродуктивного поведения. Так, Г. Г. Филиппова отмечает: «Важнейшим компонентом психологической готовности к материнству является мотивационная готовность. Последнюю можно коротко описать как принятие (на неосознаваемом и осознаваемом уровнях) задачи рождения ребёнка, видение в этом жизненного смысла, адекватно и динамично встроенного в общую иерархию смысловых ориентаций женщины, что обеспечивает своевременное формирование доминанты материнства, установление диадических отношений и последующую сепарацию в диаде «мать-дитя» [2].

Примечательно, что самый высокий уровень позитивной осмысленности ребёнок имеет для взрослых даже не с активным, а с инактивным типом репродуктивного поведения. Этот эффект обусловлен воздействием позитивной обратной связи в виде субъективной удовлетворённости фактическим числом детей: наряду с дезактуализацией мотивации и торможением репродуктивного поведения, она придаёт рождённым ребёнку/детям характер завершённой и утверждённой личностной ценности.

Анализ соотношения типов репродуктивного поведения с типами личностного смысла ребёнка показывает, что их сопряжения не случайны, а закономерны ($\chi^2(6) = 155, p < 0,001, N = 1\,844$).

У взрослых с пассивным типом поведения с наибольшей частотой наблюда-

ется отчуждённый (69%) и утилитарный типы (27%) личностного смысла ребёнка, а вот ценностный и ценностно-утилитарный типы встречаются лишь в 4% случаев. Следовательно, репродуктивная пассивность рождается из бессмысленности существования ребёнка, которая создаёт амотивацию данного вида поведения, либо из чисто прагматического, утилитарного отношения к ребёнку как к дополнению к жизни взрослого, которое не обеспечивает необходимый и достаточный заряд мотивации для деторождения. Такой способ осмысления ребёнка в сочетании с пассивным репродуктивным поведением собственно и выделяет добровольно бездетных (childfree) взрослых. У репродуктивно активных людей ценностный (32%) и ценностно-утилитарный типы (26,7%) преобладают над другими типами личностного смысла ребёнка. Аналогичная тенденция – преимущественная представленность ценностного (35,2%) и ценностно-утилитарного (29,2%) личностного смысла ребёнка – в ещё более заострённом виде характерна для репродуктивно инактивных взрослых. Выявленная сопряжённости свидетельствует о том, что личностная (мотивационно-смысловая регуляция), скрывающаяся за каждым типом репродуктивного поведения, обладает выраженной качественно-количественной спецификой.

Высокий уровень ценностного отношения к детям у людей, активно вовлечённых в репродуктивное поведение в прошлом (инактивный тип) и настоящем/будущем (активный тип), является не только психологической предпосылкой, но и следствием их репродуктивной и родительской активности. Это объясняется общепсихологической закономерностью развития и функционирования смысловых образований личности, известной как принцип деятельностного опосредствования [18], а также более специальными закономерностями иерархизации мотивационно-смысловой сферы личности,

которым подчиняется процесс становления личностных ценностей и смысла жизни [19]. Для того чтобы рядовой мотив взошёл на вершину индивидуальной мотивационной иерархии и превратился в незаурядную личностную ценность (источник мотивации и смыслообразования целостной жизнедеятельности, а не только отдельной деятельности) необходимо выполнение двух условий: во-первых, приложение систематических, последовательных усилий по практической реализации данного мотива; во-вторых, вложение в эту реализацию самых важных (ограниченных и невозобновимых) ресурсов человека – времени его жизни и его жизненных сил [20].

В свете изложенной закономерности не удивительно, что наибольшую личностную ценность (позитивный терминальный смысл) детям придают люди, которые относятся к инактивному типу ($M = 28,9$, $SD = 10,6$). В ценностном отношении к ребёнку они превосходят даже людей активного типа ($M = 26,3$, $SD = 11,6$: $t = 4,95$, $p < 0,001$), не говоря уже о взрослых с пассивным типом репродуктивного поведения ($M = 7,14$, $SD = 4,69$: $t = 37,5$, $p < 0,001$). То, что ребёнок становится для этих взрослых высшей ценностью и смыслом существования, является закономерным следствием систематических, последовательных, многолетних вложений времени, энергии и прочих жизненных ресурсов в рождение и воспитание детей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведённого исследования можно резюмировать выводом о том, что каждому выделенному типу репродуктивного поведения соответствует качественно определённый профиль психической (лично-смысловой и осознанной) регуляции, ввиду чего пред-

ложенная типология с полным правом может считаться психорегулятивной. Репродуктивную активность и продуктивность взрослого стимулируют следующие психологические особенности регуляторы:

- сильная позитивная мотивация деторождения, обусловленная личностным смыслом ребёнка как терминальной и/или инструментальной ценности для взрослого;

- повышенное идеальное, желаемое и планируемое число детей, которое задаёт высокий уровень репродуктивных притязаний и субъективных критериев репродуктивного успеха-неуспеха;

- субъективная оценка (модель) жизненных условий как весьма благоприятных для деторождения;

- более глубокая временная перспектива и более отдалённый временной горизонт для деторождения, побуждающие рационально распорядиться фактором времени;

- выраженная интернальность и самоэффективность в сфере репродукции, порождающие чувство субъективного контроля и вселяющие уверенность в репродуктивном успехе;

- наконец, умеренная степень удовлетворённости (частичная неудовлетворённость) текущим родительским статусом (фактическим числом детей), усиливающая исходную мотивацию и подталкивающая к дальнейшим репродуктивным достижениям.

Эти регуляторные структуры и процессы должны рассматриваться как «мишени» целенаправленного воздействия и планомерного формирования при решении практических задач воспитания, оптимизации и коррекции репродуктивного поведения, а также социальной рекламы, агитации и пропаганды родительства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко В. В. Репродуктивное поведение семьи и личности (социально-психологическое изучение рождаемости): автореф. дис. ... докт. психол. наук. Л., 1981. 34 с.
2. Филиппова Г. Г. Психология репродуктивной сферы человека: методология, теория, практика // Медицинская психология в России. 2011. № 6. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 10.10.2025).
3. David H. P., Russo N. F. Psychology, population, and reproductive behavior // *American Psychologist*. 2003. № 58 (3). P. 193–196.
4. Van den Akker O. B. Reproductive health psychology. London: John Wiley & Sons, 2012. 384 p.
5. Karpinskii K. V. Motivational Regulation of Human Reproductive Behavior: Cultural-Historical Transformations and Metamorphoses // *Social Studies: Theory and Practice*. 2019. Vol. 7 (2). P. 59–81.
6. The evolved psychological mechanisms of fertility motivation: hunting for causation in a sea of correlation / L. S. McAllister, G. V. Pepper, S. Virgo, D. A. Coall // *Philosophical Transactions of the Royal Society B*. 2016. № 1. P. 371–387.
7. Miller W. B. Childbearing motivations, desires and intentions: A theoretical framework // *Genetic, Social and General Psychology Monographs*. 1994. № 120 (2). P. 223–258.
8. Reproductive decision making in a macro-micro perspective: A conceptual framework / A. C. Liefbroer, J. E. Klobas, D. Philipov, I. Ajzen // *Reproductive Decision-Making in a Macro-Micro Perspective*. Dordrecht: Springer, 2015. 128 p.
9. Bachrach C. A. A cognitive-social model of fertility intentions // *Population and Development Review*. 2013. № 39 (3). P. 459–485.
10. Построение уровневой модели регуляции репродуктивного поведения молодёжи / И. С. Морозова, К. Н. Белогай, Ю. В. Борисенко, Т. О. Отт // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2014. № 2. С. 167–172.
11. Карпинский К. В. Личностный смысл ребёнка и многодетности в регуляции репродуктивного поведения // *Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія*. 2020. Т. 10. № 1. С. 133–142.
12. Карпинский К. В. Личностный смысл ребёнка и переживание смысложизненного кризиса в ситуации бесплодия // *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки*. 2024. № 2. С. 40–55.
13. Карпинский К. В. Личностный смысл ребёнка: что дети значат для взрослых. Гродно: ГрГУ, 2023. 515 с.
14. Карпинский К. В. Личностный смысл ребенка для взрослого как фактор объективного и субъективного репродуктивного успеха // *Психология семьи: современные проблемы и решения* / отв. ред. С. В. Фролова. Саратов: Наука, 2024. С. 208–217.
15. Hrcroft R. L. Sex, status, and reproductive success in the contemporary United States // *Evolution and Human Behavior*. 2006. № 27 (2). P. 104–120.
16. Карпинский К. В. Шкала ценностного отношения к детям: разработка, валидизация, стандартизация // *Психология человека в образовании*. 2024. Т. 6. № 4. С. 543–567.
17. Карпинский К. В. Смыслометрический психобиографический анализ. Гродно: ГрГУ, 2024. 211 с.
18. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999. 487 с.
19. Карпинский К. В. Психология смысложизненного кризиса. Гродно: ГрГУ, 2019. 623 с.
20. Карпинский К. В. Источники смысла жизни: новый метод психодиагностики личности. Гродно: ГрГУ, 2021. 219 с.

REFERENCES

1. Boyko, V. V. (1981). *Reproductive Behavior of the Family and a Person (Social Psychological Study of Fertility)*: [dissertation]. Leningrad (in Russ.).
2. Filippova, G. G. (2011). Psychology of the Human Reproductive Sphere: Methodology, Theory, Practice. In: *Medical Psychology in Russia*, 6. URL: <http://medpsy.ru> (accessed: 10.10.2025) (in Russ.).
3. David, H. P. & Russo, N. F. (2003). Psychology, Population, and Reproductive Behavior. In: *American Psychologist*, 58 (3), 193–196.
4. Van den Akker, O. B. (2012). *Reproductive Health Psychology*. London: John Wiley & Sons publ.

5. Karpinskii, K. V. (2019). Motivational Regulation of Human Reproductive Behavior: Cultural Historical Transformations and Metamorphoses. In: *Social Studies: Theory and Practice*, 7 (2), 59–81.
6. McAllister, L. S., Pepper, G. V., Virgo, S., Coall, D. A. (2016). The Evolved Psychological Mechanisms of Fertility Motivation: Hunting for Causation in a Sea of Correlation. In: *Philosophical Transactions of the Royal Society B*, 1, 371–387.
7. Miller, W. B. (1994). Childbearing Motivations, Desires and Intentions: A Theoretical Framework. In: *Genetic, Social and General Psychology Monographs*, 120 (2), 223–258.
8. Liefbroer, A. S., Klobas, J. E., Philipov, D., Ajzen I. (2015). Reproductive Decision Making in a Macro-Micro Perspective: A Conceptual Framework. In: *Reproductive Decision-Making in a Macro-Micro Perspective*. Dordrecht, Springer publ.
9. Bachrach, C. A. (2013). A Cognitive-Social Model of Fertility Intentions. In: *Population and Development Review*, 39 (3), 459–485.
10. Morozova, I. S., Belogay, K. N., Borisenko, Yu. V., Ott, T. O. (2014). A Level Model Construction Depicting Regulation of Young People's Reproductive Behavior. In: *Bulletin of Kemerovo State University*, 2, 167–172 (in Russ.).
11. Karpinsky, K. V. (2020). The Personal Meaning of Having a Child or Many Children in the Regulation of Reproductive Behavior. In: *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology*, 10, 1, 133–142 (in Russ.).
12. Karpinsky, K. V. (2024). The Personal Meaning of a Child and the Experience of a Life-Meaning Crisis in a Situation of Infertility. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychological Sciences*, 2, 40–55 (in Russ.).
13. Karpinsky, K. V. (2023). *The Personal Meaning of a Child: What Children Mean to Adults*. Grodno: Grodno State University of Education publ. (in Russ.).
14. Karpinsky, K. V. (2024). A Child's Personal Meaning for an Adult as a Factor in Objective and Subjective Reproductive Success. In: Frolova, S. V., ed. *Family Psychology: Contemporary Issues and Their Solutions*. Saratov: Nauka Publ., pp. 208–217 (in Russ.).
15. Hopcroft, R. L. (2006). Sex, Status, and Reproductive Success in the Contemporary United States. In: *Evolution and Human Behavior*, 27 (2), 104–120.
16. Karpinsky, K. V. (2024). The Scale of Value Attitudes Towards Children: Development, Validation, Standardization. In: *Psychology in Education*, 6, 4, 543–567 (in Russ.).
17. Karpinsky, K. V. (2024). *Meaning-Metric Psychological Biographical Analysis*. Grodno: Grodno State University publ. (in Russ.).
18. Leontiev, D. A. (1999). *The Psychology of Meaning: Nature, Structure, and Dynamics of Meaningful Reality*. Moscow: Smysl publ. (in Russ.).
19. Karpinsky, K. V. (2019). *The Psychology of Life's Meaning Crisis*. Grodno: Grodno State University publ. (in Russ.).
20. Karpinsky, K. V. (2021). *Sources of Life's Meaning: A New Method of Personality Psychodiagnostics*. Grodno: Grodno State University publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карпинский Константин Викторович (г. Гродно, Республика Беларусь) – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой экспериментальной и прикладной психологии Гродненского государственного университета им. Янки Купалы;
e-mail: karpkostia@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin V. Karpinski (Grodno, Belarus) – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Department of Experimental and Applied Psychology, Yanka Kupala State University of Grodno;
e-mail: karpkostia@gmail.com